

DOI 10.15826/qr.2019.3.417

УДК 81:39+81'244+811.17'246+811.512.122'246.3

ПОЛИТИКА МОНОЛИНГВИЗМА И МУЛЬТИЛИНГВИЗМА В ЛАТВИИ И КАЗАХСТАНЕ*

Лю Цзюань

Цзянсуский океанологический университет,
Ляньюньган, Китай

Гун Лэй

Гуандунский университет
иностраннных языков и внешней торговли,
Гуанчжоу, Китай

THE POLICY OF MONOLINGUALISM AND MULTILINGUALISM IN LATVIA AND KAZAKHSTAN**

Liu Juan

Jiangsu Ocean University,
Lianyungang, China

Gong Lei

Guangdong University of Foreign Studies,
Guangzhou, China

This article examines the evolution of language policy in Latvia and Kazakhstan, former republics of the Soviet Union. An analysis of the historical roots and development in the language policies of the two post-Soviet countries makes it possible to identify similarities and differences and advantages and disadvantages in the implementation processes. This article represents complex interdisciplinary research in the fields of linguistics, sociology, education, history, political science, and ethnology. The study is relevant as it considers the little-studied issue of language policy in former USSR republics and countries of the socialist camp. The research takes into account the fact that all countries are aware of the status of cultural soft power in the conditions of ongoing globalisation and a wave of ethnic nationalism

* Работа поддержана грантом № 18YUB003 «Языковая политика и языковое образование в Латвии» Фонда социальных наук провинции Цзянсу, КНР.

** Citation: Liu Juan, Gong Lei (2019). The Policy of Monolingualism and Multilingualism in Latvia and Kazakhstan. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 955–968. DOI 10.15826/qr.2019.3.417.

Цитирование: Liu Juan, Gong Lei. The Policy of Monolingualism and Multilingualism in Latvia and Kazakhstan // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 955–968. DOI 10.15826/qr.2019.3.417 / Лю Цзюань, Гун Лэй. Политика монолингвизма и мультилингвизма в Латвии и Казахстане // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 955–968. DOI 10.15826/qr.2019.3.417.

where language is increasingly valued as a carrier of national culture. The entire global community, including Latvia and Kazakhstan, constantly adjusts and improves language policy in order to fulfill strategic goals. Latvia and Kazakhstan have similar historical memories and language situations, but they are carrying out different language policies. The government of Latvia has implemented a policy of monolingualism, while Kazakhstan has stuck to a bilingualism policy (although it is also attempting to realise a policy of trilingualism). The authors conclude that monolingualism fundamentally serves politics and occupies a weak position. In an era of globalisation, it is extremely difficult to establish a system of monolingualism in its strict sense; ultimately, it will be replaced by multilingualism.

Keywords: language policy; Latvia; Kazakhstan; monolingualism; multilingualism; comparative analysis.

Исследуется эволюция языковой политики в бывших республиках Советского Союза Латвии и Казахстане. Анализ ее исторических корней и развития позволяет выявить сходства и различия двух стран постсоветского времени, преимущества и недостатки реализации этой политики. Работа является комплексным междисциплинарным исследованием на основе сочетания методов лингвистики, социологии, истории, политологии и этнологии. Ее актуальность обусловлена недостаточной разработанностью проблемы языковой политики в бывших советских республиках и странах социалистического лагеря. Учитывается факт осознания странами роли культурной мягкой силы на фоне непрекращающейся глобализации и волны этнического национализма, когда язык все больше ценится как носитель национальной культуры. Мировое сообщество, включая Латвию и Казахстан, для достижения стратегических целей постоянно корректируют и совершенствуют языковую политику. Латвия и Казахстан имеют схожие исторические воспоминания и языковые ситуации, однако в них применяются разные варианты языковой политики. Правительство Латвии утвердило политику монолингвизма как юридически закреплённую форму, в Казахстане же предпочитают политику двуязычия, здесь принята программа о триединстве языков. Авторы приходят к выводу, что монолингвизм, обслуживая политические запросы, находится в слабой позиции. В эпоху глобализации крайне сложно утвердить систему монолингвизма в ее строгом смысле, на смену ей рано или поздно утвердится мультилингвизм.

Ключевые слова: языковая политика; Латвия; Казахстан; монолингвизм; мультилингвизм; сравнительный анализ.

В многонациональных странах, включая Россию и Китай, языковая ситуация и соответствующая языковая политика часто характеризуются разнообразием и сложностью вследствие исторических традиций и социального контекста. Языковые проблемы многонациональных государств и путь максимально последовательного осуществления языковой политики в соответствии с реальным положением дел в стране важны не только в академическом аспекте, но и влияют

на политическое единство и межэтническое согласие в многонациональных государствах.

Выбор анализа языковой ситуации в Латвии и Казахстане, дополненного сравнением исторического развития языковой политики двух стран и опытом ее реализации для разработки языковой политики в многонациональных странах, обусловлен следующими причинами:

- Латвия и Казахстан – многонациональные страны, язык преобладающего этнического населения и языки меньшинств долгое время оказывали здесь влияние друг на друга, то есть языковая ситуация внутри этих стран является относительно сложной.

- Латвия и Казахстан – бывшие советские республики (и, собственно, были созданы как независимые республики-государства в раннесоветский период), существовавшие ранее внутри социалистической политической системы. После обретения независимости они разрабатывают собственную языковую политику, в которой прослеживаются как общность исторических традиций, так и национальные особенности.

- Изучение языковой политики этих стран, являющихся одновременно типичными представителями Европы и Азии, носит репрезентативный и универсальный характер, помогает понять различия между Востоком и Западом.

Языковая политика обозначает законы, положения, меры и т. п., разработанные социальной группой в процессе речевого общения в соответствии с позициями и взглядами на определенный язык или языки. Она является неотъемлемой частью основного государственного политического курса и тесно связана с политикой, экономикой, культурой, религией, национальностью, технологиями и обществом. Установление языковой политики любой страны осуществляется в соответствии с ее национальными условиями и потребностями, языковыми особенностями и основной государственной политикой.

Б. Спольский разделил языковую политику национального государства на три основных типа: одноязычную (монолингвизм), двуязычную (билингвизм) и многоязычную (мультилингвизм) [Spolsky, с. 58], в нашем случае речь пойдет об «одноязычном» и «многоязычном» типах. Под одноязычной понимаются официальная политика и ситуации, в которых используется только один язык. К одноязычным странам, в которых используется только один официальный язык, относятся, например, США, Великобритания, Франция и другие западные страны, а также государства, в которых существует преимущественное преобладание определенного этноса, Япония, Южная Корея; из бывших советских республик это Латвия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан и др. Как следует из названия, термин «многоязычие» означает, что официальными в стране являются два языка или более, которые закреплены в использовании законодательно. В число многоязычных стран входят из бывших республик Белоруссия, Казахстан, Киргизия, из мирового сообщества – Бельгия,

Босния и Герцоговина, Индия, Канада, Кипр, Люксембург, Финляндия, Швейцария, Перу и др.

Текущая языковая ситуация в Латвии и Казахстане

Латвия и Казахстан, две крупные республики Советского Союза, были своеобразными «воротами» бывшей РСФСР в Прибалтику и Центральную Азию. Кажется, что эти две республики географически, исторически, ментально далеки друг от друга и не имеют между собой ничего общего, но на самом деле именно из-за тесных отношений с Россией и бывшим Советским Союзом они, возможно, в большей степени, чем все остальные бывшие республики СССР, сохраняют огромное историческое наследие и память об ушедшей эпохе.

Согласно статистическим данным, по состоянию на 2013 г. доля латышей в общей численности населения Латвии составляет около 61 %. Этнические русские являются вторыми по численности в Латвии и составляют около 27 %. Остальное население составляют украинцы, белорусы, поляки, литовцы, а также небольшое количество евреев и эстонцев. В настоящее время официально признанными в Латвии являются только латышский язык и латгальский язык как исторический вариант латышского, отмечается особая роль ливского языка, в то время как русский, украинский, белорусский и польский языки считаются фактическими языками меньшинств или иностранными языками, такими как английский, китайский и французский (см.: [О государственном языке]).

Согласно соответствующим постановлениям латвийского правительства, государственным и официальным языком в стране признается только латышский. Он является родным для 58 %, а русский – для 39 % населения Латвии (данные на 2000 г.). Причем 93 % населения Латвии в большей или меньшей степени владеют латышским языком (данные на 2008 г., 86 % – на 2005 г.). В свою очередь, на русском языке без проблем воспринимают информацию 90 % экономически активного населения (2005 г.). Таким образом, в Латвии существует реальное двуязычие [Кривцова, с. 128].

С момента получения этих статистических результатов прошло уже почти 15 лет, в течение этого времени курс Латвии на популяризацию и усиление латышской одноязычной языковой политики, обретение культурной независимости и устранение влияния русификации в постсоветскую эпоху ожидаемо изменил долю использования латышского и русского языков. Однако мы убеждены, что русский язык имеет здесь существенный вес, и главное – имеет полное право на влияние как язык этнических меньшинств согласно международным документам о защите языковых и культурных прав меньшинств (ст. 2 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 55 Устава ООН, задача 4.7 «Цели в области устойчивого развития» (ЦУР 4), Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств и др.).

Языковая ситуация в Казахстане, расположенном в Центральной Азии, отличается от таковой в Латвии. Сегодня этнический состав Казахстана в значительной степени зависит от политики, проводимой на постсоветском пространстве. В современном Казахстане казахи и русские, в долях 66 и 21 % соответственно, являются преобладающими этническими группами. Представителями более чем 130 национальных меньшинств, говорящих на 126 языках, широко используются казахский и русский языки. Кроме того, в настоящее время здесь насчитывается менее 200 пользователей 42 языков (33 % от их общего числа), которые находятся на грани исчезновения [Ма Лисинь, с. 152].

До обретения независимости в Казахстане как во времена царской России, так и в постсоветский период русский язык всегда был основным и использовался в «высоких» сферах социального взаимодействия, таких как наука и образование, отчасти литература и журналистика (но не в государственном управлении, суде, культуре (включая театр) и региональных СМИ). После обретения Казахстаном независимости в законе «О языках в Республике Казахстан», принятом новым правительством, казахский язык был официально закреплен как государственный, а русский – как язык межнационального общения [О языках в Республике Казахстан]. Однако фактическая ситуация несколько иная. По данным переписи населения Казахстана 1999 г., 74,8 % казахов владеют русским языком, 25,2 % из них говорят только на казахском языке и не говорят по-русски, и только 7,7 % русских владеют казахским языком [Ян Шичи, с. 15].

Из-за сходных социальных изменений и политики за последние 20 лет языковая ситуация в современном Казахстане должна быть в некоторой степени похожа на языковую ситуацию в Латвии, то есть основными языками, используемыми населением, все еще остаются казахский и русский. Но в то же время доля использования казахского языка должна была увеличиваться по мере реализации государственной языковой политики. Разница заключается в том, что, в отличие от латвийской тенденции к сокращению использования русского языка, обусловленной официальной политикой неприятия общего с Россией прошлого, и русского языка в частности, использование русского языка в Казахстане продолжает набирать обороты при всей популярности казахского языка.

Метаморфозы языковой политики в Латвии и Казахстане

В XIII–XIV в. в Ливонии не существовало одного законодательно утвержденного официального языка, в официально-деловой, научной и образовательной сферах использовались латинский и немецкий языки. Влияние последнего было сильным задолго до того, как Латвия вошла в состав Советского Союза, и можно сказать, что, начиная со Средневековья, после поражения в XIV в. от войска Ивана

Грозного, во время польско-шведской оккупации Задвинского герцогства, после принятия господства Российской империи – во все эти времена немецкий был первым общим языком в Латвии и широко использовался во всех сферах общественной жизни¹. Начиная с XIX в. в связи с развитием национального самосознания возрастает влияние латышского языка, он постепенно становится гражданским языком, отличающимся от языка правящего класса. В конце XIX в., когда император Александр III, следуя практике Эмского указа Александра II, ужесточившего централизацию окраин Российской империи после польских восстаний 1830 и 1863–1864 гг., начал активнее проводить политику русификации и ассимиляции русских в нерусских регионах, развитие латышского языка в Курляндской губернии как вассале Российской империи приостановилось. «11 января 1882 года Александр III утвердил мнение Государственного совета, обязывающего все государственные учреждения Прибалтийского края принимать к рассмотрению прошения и заявления, написанные на русском, эстонском, немецком и латышском языках. Следом, 12 апреля 1882 года, вышел указ, вводивший русский язык в качестве обязательного в местных по воинским повинностям присутствиях. Наконец, 14 сентября 1885 года царь утвердил закон, предписывающий всем присутственным местам и должностным лицам вести делопроизводство на русском языке. Потом появилось еще несколько законодательных актов, устанавливающих обязательное использование государственного русского языка при судопроизводстве, в учебных заведениях, в делопроизводстве городских управлений, при составлении метрических книг» [Боханов, с. 438–439]. Но по историческим причинам немецкий язык тогда не покинул Латвию полностью. До Первой мировой войны немецкий и русский фактически использовались в качестве языков правящего класса, и немецкий в какой-то степени оставался доминирующим. Можно сказать, что, хотя в Латвии до XX в. объективно существовали различные лингвистические условия и языковые нормы, она не имела независимой языковой политики, но пассивно принимала и осуществляла языковую политику правящего класса.

В 1918 г. независимая Латвийская Советская Социалистическая Республика воспользовалась возможностью начать реформирование национального языка и попытаться трансформировать национальное самосознание. Новое правительство ввело ряд либеральных языковых стратегий, которые объективно признавали право и разре-

¹ Полученная Российской империей по мирному договору в 1721 г. Шведская Лифляндия (в которую входили северная часть современной Латвии и южная часть современной Эстонии) стала частью Рижской губернии, а потом отдельной Лифляндской губернией. В 1772 г. в результате первого раздела Речи Посполитой к России была присоединена Латгалия (Инфлянты Польские). При третьем разделе Речи Посполитой (март 1795 г.) к Российской империи была присоединена Курляндия, и на ее территории была образована Курляндская губерния.

шали государственным органам, таким как парламент, использовать русский и немецкий языки, а также признавали право этнических меньшинств на изучение родного языка в школах. Можно сказать, что на данном этапе в Латвии проводилась политика толерантности и открытости, причем многие из языков, в том числе немецкий, русский и языки национальных меньшинств, имели равный правовой статус. Эта политика продолжалась до Второй мировой войны, но с ее началом резко прекратилась.

Во время Второй мировой войны языковая ситуация в Латвии пережила ряд потрясений. Немецкий язык в начале войны почти исчез в Латвии из-за массового возвращения этнических немцев на родину, но с вторжением фашистов в 1941 г. его роль резко возросла. Таким образом, в плане языковой политики Латвия во время войны снова утратила свою самостоятельность.

После окончания войны Латвия вновь вошла в состав СССР в качестве союзной республики. Однако еще до основания Латвийской Советской Социалистической Республики 30 декабря 1922 г. здесь в январе 1918 г. был принят «Указ о рабочем языке в официальных органах Латвии», а именно постановление о равенстве языков. «С точки зрения процесса создания Союза Советских Социалистических государств, равноправная языковая политика отражает равный статус союзных республик и автономных республик и способствует добровольному союзу». Однако после смерти Ленина Сталин постепенно отошел от этого принципа, став национальным лидером [Тянь Пэн, с. 98]. В эпоху Н. С. Хрущева и затем Л. И. Брежнева принцип двуязычия стал определяющим в языковой политике. Несмотря на то, что в какой-то момент была проведена корректировка национальной политики, советское правительство приложило все усилия для проведения реформы образования с тем, чтобы расширить сферу применения русского языка и ускорить процесс национальной ассимиляции. В это время статус русского языка в Латвии быстро поднялся до уровня основного рабочего языка общения в «высоких» сферах социальной коммуникации и имел значительное влияние вплоть до распада Советского Союза.

В конце XX в. три балтийских государства, и Латвия в том числе, провозгласили независимость и тем самым открыли путь к распаду СССР. В качестве первоочередных задач независимым правительством Латвии были провозглашены идеи национального самоопределения и национальной независимости, возрождения национального языка и восстановления национального самосознания.

В 1988 г. Латвия впервые публично объявила о придании латышскому языку статуса официального, что было подтверждено в 1989 г. Верховным Советом Латвийской ССР. В 1989 тогдашний парламент ЛССР издал первый в Латвии «Закон о языках», в котором в качестве официального языка назывался латышский, ст. 1 этого закона также предусматривала использование русского языка в официальной

сфере, однако в 1992 г. латвийские власти пересмотрели его, изменив официальный статус русского языка, который стал теперь именоваться языком гражданского общения. В 1993 г. в Латвии принимается резолюция, по которой восстанавливается Конституция 1922 г., затем в нее последовательно в 1994, 1996 и 1999 гг. вносятся три поправки. Ст. 4 и 114 Конституции Латвии устанавливают основу языковой политики в стране, объявляют латышский язык официальным и провозглашают, что меньшинства имеют право сохранять и развивать свой собственный язык. В то же время в Конституции подчеркивается, что латышский, латгальский и ливонский языки являются единственными языками коренных народов Латвии. В 1999 г. был принят закон «О государственном языке и письменности», который пересматривался в 2000, 2001 и 2002 гг. Согласно ему все другие языки, кроме латышского, латгальского и уже исчезнувшего ливонского, признаются иностранными. По сути, он является зеркалом латышской политики монолингвизма. 18 февраля 2012 г. в Латвии был проведен референдум по вопросу о статусе русского языка, в результате которого он был признан иностранным, наряду с английским и немецким. 2 апреля 2018 г. президент Латвии Раймондс Вейонис подписал поправку к закону «Об образовании», направленную на то, чтобы к концу 2022 г. латышский стал единственным языком обучения в начальных и средних школах страны.

Латвийскую языковую политику начала 1990-х гг. можно признать терпимой и мягкой. В ней проявлялось уважение и признавались языки национальных меньшинств, включая и русский, одновременно были гарантированы надлежащие права и законные интересы населению, для которого он является родным. Начиная с периода середины – конца 1990-х гг. правительство Латвии становится все более националистическим и в итоге утверждает политику монолингвизма как юридически закрепленную форму. В этот период вводится понятие неграждан (*лат. nepilsoņi*) – особый юридический статус, предоставленный Латвийской Республикой бывшим гражданам СССР, проживавшим по состоянию на 1 июля 1992 г. в Латвии и не имевшим гражданства никакой другой страны, а также их потомкам. По состоянию на 1 января 2019 г. насчитывалось 224 670 неграждан, проживающих в Латвии, а также 5 105 неграждан вне ее территории (в середине 1990-х гг. численность неграждан была около 730–740 тыс. чел.). Приблизительно 65,5 % из них составляют этнические русские. Тем самым, вероятно, латвийское руководство стремится с помощью принудительной языковой идентификации сформировать в многонациональной стране моноэтническое государство или страну, в целом подобную США, по принципу «многообразные племена, один народ». В определенной мере такая языковая политика является и формой компенсации болезненного периода бедствий этого народа.

Казахстан, как и Латвия, входил в состав Советского Союза. Процесс исторической эволюции языковой политики в этом централь-

ноазиатском государстве просматривается еще более отчетливо. В языковой политике Казахстана можно выделить два направления: это гармоничный симбиоз казахского языка с русским и движение Казахстана в мир.

Истоки истории казахского народа можно проследить в Казахском ханстве, которое берет начало от Золотой Орды. Вплоть до присоединения ханства Русским государством в XVI в. для каждой народности и каждого сословия казахский здесь выступал и как общеупотребительный, и как официальный язык того времени.

Позже Российская империя поощряла использование казахского языка в администрировании и образовании, публикацию периодических изданий на казахском языке (в 1913 г. – 37 изданий тиражом 150 300 экз. [Исаев, с. 34]). Лишь во второй половине XIX в. русские и русско-казахские школы появились на территории Казахстана, и набор в них был не столь велик. Русский язык был мало распространен в дореволюционном Казахстане.

Российская интеллигенция, просветители, а также казахская интеллигенция, оказавшаяся в поле влияния русской культуры, начали проводить в жизнь политику русификации. Присоединение значительной части Казахстана к России на рубеже XIX–XX вв. способствовало развитию казахской культуры, в том числе литературы, введению казахского языка в систему образования (середина XIX в.), появлению светского образования на нем, развитию прессы (с 1870 г.). Просветители А. Кунанбаев, И. Алтынсарин, Ч. Валиханов развивали литературный язык, записывали эпос и фольклор, переводили произведения писателей Азии, России, Европы, создавали оригинальные труды на казахском и русском языках. Советский период породил плеяду таких писателей как Г. Мустафин, С. Мауленов, Ж. Мулдағалиев, М. Ауэзов, А. Нурпеисов, Т. Ахтанов, Д. Досжанов, О. Сулейменов, С. Муканов, М. Каратаев и др. Российские и казахские лингвисты описывали и развивали казахский язык: это А. Байтурсунов (внес изменения в арабский алфавит, описал казахскую грамматику), Н. А. Баскаков (классифицировал тюркские языки, развивал новый алфавит на основе латинской графики), С. А. Аманжолов (разработал казахский алфавит на кириллице), М. Б. Балакаев, С. К. Кенесбаев и др. (см.: [БСЭ, т. 11]).

После учреждения в 1925 г. Казахской ССР в языковой политике республики происходили примерно те же процессы, что и в Латвии. Единственное отличие – это то, что, в период Второй мировой войны Казахстан находился в глубоком тылу, поэтому избежал языковых потрясений времен оккупации, подобных латвийским. К тому же правительство Сталина начало плановое переселение различных народностей с востока и запада территории СССР в Казахстан и в целом в районы Средней Азии, в частности это коснулось крымских татар, корейцев, немцев. Подобное искусственное этническое смешение объективно усиливало запрос в отношении

русского языка, укрепляло языковую политику ассимиляции через русификацию.

В преддверии крутых перемен в Восточной Европе и Советском Союзе еще в 1989 г., как и во всех остальных союзных республиках, в Казахстане был принят закон «О языках в Республике Казахстан», в котором был определен статус казахского языка как республиканского государственного, а русский язык был признан языком межнационального общения. С момента обретения Казахстаном независимости в декабре 1991 г. с целью усиления национальной солидарности и укрепления национального самосознания новое правительство предприняло целый ряд мер по укреплению позиций казахского языка. В самом начале своей самостоятельности, как это происходило и с Латвией, Республика Казахстан сделала упор на усиление статуса языка титульной нации и осуществление принципа одноязычия, в различных правовых актах четко подчеркивая статус казахского языка как официального языка государства, одновременно формально закрепив этот статус в Конституции Республики Казахстан 1995 г. Но ввиду того, что граждане Республики Казахстан все же не слишком хорошо владели казахским языком высоких сфер социальной коммуникации в начальный после развала СССР период, эти идеи столкнулись с мощным противодействием. Граждане уже привыкли использовать русский язык в повседневном общении, кроме того, правительству Казахстана необходимо было смотреть в лицо объективному факту – наличию внутри страны огромной русской диаспоры. И казахстанская языковая политика начала поворот от одноязычия к двуязычию. Опубликованный в июле 1997 г. закон «О языках в Республике Казахстан» снова утвердил в качестве государственного языка казахский, но для русского также предусмотрел статус языка межнационального общения. Ст. 5 этого закона гласит, что в государственных органах и органах местного самоуправления казахский и русский языки имеют равный статус. Этот поворот обозначил установление двуязычной формы языковой политики Казахстана.

Политика двуязычия в Казахстане дала положительный результат, эффективно разрешив этнические разногласия в обществе, одновременно предоставив гражданам Казахстана еще больше возможностей для саморазвития. На этой основе, чтобы еще лучше влиться в волну глобализации и модернизации, Казахстан в новом веке представил обновленную концепцию языковой политики – программу о триединстве языков. Эта концепция впервые была предложена Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым в 2004 г. в соответствии с программой развития Казахстана до 2030 г. «Казахстан – 2030», а в 2007 г. в послании президента «О положении в стране» была официально конкретизирована через инициативу достичь владения нацией тремя языками: казахским (как государственным), русским (как языком межнационального общения) и английским (как языком благоприятного вхождения в мировую экономику).

Постсоветский разворот

Посредством сравнения изменений языковой политики Латвии и Казахстана мы можем обнаружить много общего, существующего у этих стран. К примеру, обе они в прошлом оказывались в вассальной зависимости у другого государства и вынужденно понижали статус своего языка, следуя политике страны-гегемона; обе они стояли перед политическими вызовами и социокультурными влияниями, свойственными многонациональным государствам постсоветского пространства; руководство обеих стран предпринимало попытки активно выйти в мир, а также защитить родной национальный язык для сохранения политического единства, государственного развития и общественной стабильности.

При сравнении процесса реализации языковой политики в этих двух странах мы можем обнаружить как положительные, так и отрицательные стороны.

Как и в языковой политике всех одноязычных стран, в латвийской языковой политике нужно отметить то положительное обстоятельство, что она способствовала поддержанию связей внутри нации, а также то, что касается нового типа латвийского национального государства, в котором сейчас языковая политика играет незаменимую роль в реконструкции национального духа. Но не может не обращать на себя внимание и негативное влияние формата монолингвизма.

Прежде всего, будучи многонациональным государством, Латвия, осуществляя «защитную» языковую политику, не признает факт наличия в ее границах национальных меньшинств, что лишает их представителей гарантий соблюдения прав и законных интересов, ведет к утрате их традиций и культуры. Кроме того, Латвия отрицает роль русского языка, относя его к разряду иностранных, что приводит к противостоянию латышей и русских. И это при том, что Латвия на протяжении XX в. исторически неразрывно связана с Россией и ее языком, а политика монолингвизма приводит к тому, что молодое поколение потеряет возможность самостоятельно читать, например, русскоязычные исторические источники своей страны, подобно тому как это сегодня произошло в Южной Корее и Вьетнаме, упразднивших у себя китайские иероглифы.

Обращаясь к формату языковой политики триединства языков в Казахстане, мы полагаем, что его положительное и созидательное значение состоит в защите государственной целостности и национальной солидарности, создании большого числа возможностей для будущих поколений, а также в том, что данный формат сочетается с исторической взаимозависимостью и интеграцией, защищает культурное многообразие. Однако он также имеет свои недостатки.

Прежде всего, юридически закрепленное сосуществование двух официальных языков в ходе народного выбора неизбежно приведет к неравномерному их использованию. Возникает проблема обеспече-

ния развития казахского языка в сфере межнационального общения, его статуса государственного языка, и это немалый вызов. В то же время утверждение формата триязычия не исключает появлений «языкового шовинизма», поскольку гарантии защиты национальных языков этнических меньшинств на территории Казахстана не подкреплены конкретными действиями, за исключением примеров казахского и русского языков.

В большом многонациональном государстве сохранение гармоничной языковой среды становится предпосылкой создания равноправных межэтнических отношений. Осуществление гарантий всеобщего развития и гармоничное сосуществование множества языков в многонациональном государстве, несомненно, нужно признать его ценным достоянием. Надлежит поддерживать совместное развитие различных языков и культур, при этом четко определив доминирующее место официального языка, и придерживаться сохранения его ведущей позиции и стандарта его применения, указывать путь его правильного развития. В отношении языков этнических меньшинств должны при этом предоставляться необходимые поддержка и признание. Государство должно обращать внимание на сохранение баланса языковой среды, согласованность общего развития языков каждой этнической группы, воспитывая соответствующие кадры, обладающие высокой языковой компетенцией. И наконец, необходимо заботиться о сохранении местных диалектов, важных для исследования исторической эволюции языка.

* * *

Формат монолингвизма является типом языковой политики, основанным на конкретных политических воззрениях государства. В ближайшей перспективе, вероятно, принцип монолингвизма останется одним из распространенных. Однако в эпоху глобализации мононациональные государства или стопроцентно одноязычные сообщества уже практически перестали существовать. Поэтому в современной социальной среде крайне сложно утвердить систему монолингвизма в его строгом смысле. Фактически языковая политика монолингвизма в процессе ее реализации во многих так называемых одноязычных странах сталкивается с большим количеством ранее не имевшихся вызовов, среди которых, например, проблема получения образования представителями этнических меньшинств, вопросы обучения иностранным языкам внутри страны. В связи с этим многие государства, в которых конституционно закреплены положения об осуществлении «одноязычного» строя, в реальности реализуют многоязычный формат или, по крайней мере, уже начали ставить эксперименты в этой сфере.

Монолингвизм предстает лишь в качестве курса унификации, стабилизации и интегрирования. Государствам, проводящим одно-

язычную языковую политику, нужно пройти ряд переходных этапов по последовательному сближению с многоязычным устройством, что в конечном счете и приведет к установлению многоязычия, которое является общепризнанным в мировом сообществе.

Список литературы

- Боханов А. Император Александр III. М. : Рус. слово, 1998. 512 с.
БСЭ. Т. 11. 648 с.
Исаев М. И. Языковое строительство в СССР. М. : Наука, 1979. 350 с.
Кривцова Е. Новый подход к языковой политике Латвии // Дискриминация русских в странах Балтии: причины, формы, возможности преодоления : сб. ст. / под ред. А. В. Гапоненко. М. ; Рига : Моск. бюро по правам человека, 2012. С. 128–133.
Ма Лисинь. Сравнительное исследование языковой политики в Китае и Казахстане // Современная филология. 2014. № 12. С. 152–154. –马立新. 中国与哈萨克斯坦语言政策的对比研究 // 现代语文. 2014. № 12. С. 152–154.
О государственном языке : закон Латвийской Республики от 21.12.1999 // Латвийская Республика : [сайт]. URL: http://latvia.news-city.info/docs/sistemsf/dok_iercib.htm (дата обращения: 27.08.2019).
О языках в Республике Казахстан : закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 г. № 151 // Әділет : информ.-прав. система нормативных правовых актов Республики Казахстан : [сайт]. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000151_ (дата обращения: 27.08.2019).
Тянь Пэн. Исследование языковой политики Европейского союза с точки зрения коллективной идентичности. Пекин : Изд-во Пекин. ун-та, 2015. 212 с. – 田鹏. 集体认同视角下的欧盟语言政策研究. 北京 : 北京大学出版社, 2015年, 212页.
Ян Шичи. Исследование языковой политики в Казахстане : дис. ... магистра филологии. Урумчи : [Б. и.], 2013. 39 с. – 杨诗琦. 哈萨克斯坦语言政策研究. 新疆师范大学硕士学位论文, 2013年, 39页.
Spolsky B. Language Policy. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. 250 p.

References

- Bokhanov, A. (1998). *Imperator Aleksandr III* [Emperor Alexander III]. Moscow, Russkoe slovo. 512 p.
BSE. Vol. 11. 648 p.
Isaev, M. I. (1979). *Yazykovoe stroitel'stvo v SSSR* [Linguistic Construction in the USSR]. Moscow, Nauka. 350 p.
Krivtsova, E. (2012). Novyi podkhod k yazykovoi politike [A New Approach to Language Policy]. In Gaponenko, A. V. (Ed.). *Diskriminatsiya russkikh v stranakh Baltii: prichiny, formy, vozmozhnosti preodoleniya. Sbornik statei*. Moscow, Riga, Moskovskoe byuro po pravam cheloveka, pp. 128–133.
Ma Lixin, (2014). *Sravnitel'noe issledovanie yazykovoi politiki v Kitae i Kazakhstane* [A Comparative Study of Language Policy in China and Kazakhstan]. In *Sovremennaya filologiya*. No. 12, pp. 152–154. –马立新. 中国与哈萨克斯坦语言政策的对比研究 // 现代语文. 2014. № 12. С. 152–154.
О gosudarstvennom yazyke : zakon Latviiskoi Respubliki ot 21.12.1999 [On the State Language: Law of the Republic of Latvia as of 21.12.1999]. (N. d.). In *Latviiskaya respublika* [website]. URL: http://latvia.news-city.info/docs/sistemsf/dok_iercib.htm (mode of access: 27.08.2019).
О yazykakh v Respublike Kazakhstan: zakon Respubliki Kazakhstan ot 11 iyulya 1997 g. № 151 [On Languages in the Republic of Kazakhstan: The Law of the Republic of Kazakhstan as of 11 July 1997. No. 151]. (N. d.). In *Әділет : informatsionno-pravovaya*

sistema normativnykh pravovykh aktov Respubliki Kazakhstan [website]. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000151_ (mode of access: 27.08.2019).

Spolsky, B. (2004). *Language Policy*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 250 p.

Tian Peng, (2015). *Issledovanie yazykovoi politiki Evropeiskogo soyuza s tochki zreniya kollektivnoi identichnosti* [A Study of the Language Policy of the European Union in Terms of Collective Identity]. Beijing, Peking Univ. Press. 212 p. – 田鹏. 集体认同视角下的欧盟语言政策研究. 北京: 北京大学出版社, 2015年, 212页.

Yang Shichi, (2013). *Issledovanie yazykovoi politiki v Kazakhstane* [The Study of Language Policy in Kazakhstan]. Dis. ... magistra filologii. Urumqi, S. n. 39 p. – 杨诗琦. 哈萨克斯坦语言政策研究. 新疆师范大学硕士学位论文, 2013年, 39页.

The article was submitted on 22.04.2019